

Дѣйствія передового отряда генерала Гурко въ 1877 году.

(Статья вторая) ¹⁾.

Въ предыдущей статьѣ было сказано, что генераль Гурко рѣшилъ 4-го іюля двинуться на Казанлыкъ и были указаны тѣ мѣры, которыя были приняты генераломъ для обезпеченія успѣха предпринимаемой операціи. Обо всемъ этомъ было донесено въ главную квартиру, причемъ была выражена надежда взять Казанлыкъ 5-го іюля и, быть можетъ, въ тотъ же день подойти съ отрядомъ къ подножію Шипкинскаго перевала.

Движеніе 4-го іюля было предпринято двумя колоннами: правая состояла изъ 4-й стрѣлковой бригады, двухъ ротъ пластуновъ, двухъ дружинъ болгарскаго ополченія, 4 орудій Донской казачьей № 10-й батареи, восьми орудій горной № 1-го батареи и двухъ сотенъ казаковъ (всего 6¹/₂ бат., 12 орудій и двѣ сотни) и должна была слѣдовать по дорогѣ, пролегающей возлѣ подошвы горнаго хребта, черезъ Уфлани, къ Маглишу. Лѣвая состояла изъ трехъ кавалерійскихъ полковъ, семи сотенъ казаковъ, гвардейскаго полускадрона и двухъ конныхъ батарей №№ 10-го и 16-го (всего 19¹/₂ эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій) и должна была слѣдовать вдоль рѣки Тунджи черезъ деревни Есекчи, Іени-Махале и Кишла къ Софулару. Весь отрядъ долженъ былъ бивакировать на рѣкѣ Маглише, между деревнею того же имени и Софуларомъ.

Въ 6 часовъ утра обѣ колонны двинулись впередъ. Около Бериковской караулки, гдѣ генераль Гурко остановился на полчаса, было получено донесеніе отъ разъѣздовъ, что виноградники, впереди деревни Уфлани, заняты партіею баши-бузуковъ, но

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 7.

что партія эта очень небольшая—человѣкъ отъ 50-ти до 100, не болѣе. Донесеніе это было такого рода, что нечего было обращать на него особаго вниманія.

Небольшая деревушка Уфлани лежитъ у самой подошвы Балканскихъ горъ и со всѣхъ сторонъ окружена садами и виноградниками. Къ востоку и западу отъ нея, въ разстояніи около полуверсты, горы перерѣзываются двумя узкими ущельями, по которымъ проходятъ небольшія тропинки, ведущія на вершину хребта. Верстахъ въ двухъ къ востоку отъ нея виноградники оканчиваются, причемъ, въ этомъ мѣстѣ, отдѣляется отъ Балканскихъ горъ небольшая хребтикъ, тянущійся перпендикулярно къ горамъ и постепенно понижающійся къ югу. Длина этого хребтика не болѣе 1,000 шаговъ. Къ западу отъ Уфлани сады и виноградники тянутся на 1½ версты, а къ югу не болѣе какъ на 1,000 шаговъ. Такимъ образомъ, полоса, занятая садами и виноградниками, имѣетъ около 3½ верствъ протяженія отъ востока къ западу и около 1,000 шаговъ отъ сѣвера къ югу. Все это пространство волнисто и изрѣзано множествомъ канавъ и валиковъ; посерединѣ оно перерѣзывается небольшимъ горнымъ ручьемъ, впадающимъ въ Тунджу у дер. Кишли. Вообще вся эта мѣстность представляетъ довольно сильную позицію для небольшого отряда и можетъ быть упорно обороняема. Слабая сторона позиціи, обращенная къ востоку—правый флангъ, который совершенно открытъ. Фронтъ ея нѣсколько коротокъ, но для небольшого отряда достаточенъ и довольно силенъ. Мѣстность внутри позиціи удобна для упорной обороны. Лѣвый флангъ упирается въ горы, слѣдовательно, совершенно обезпеченъ отъ дальняго обхода; но если не занять ближайшія склоны горъ, то онъ вблизи можетъ быть обойденъ, хотя и небольшой частью. Чтобы обезпечить лѣвый флангъ отъ этого близкаго обхода, достаточно занять ближайшіе склоны двумя, тремя ротами.

Какъ уже сказано выше, около 8½ часовъ утра было получено донесеніе, что виноградники впереди дер. Уфлани заняты небольшою партіею баши-бузуковъ. Не обращая вниманія на это неважное свѣдѣніе, колонна продолжала свое движеніе, причемъ, на всякій случай, 13-й стрѣлковый баталіонъ, шедшій въ головѣ колонны, выслалъ впередъ одну роту, которая разсыпала стрѣлковъ. Какъ только рота эта подошла къ виноградникамъ на разстояніи 800—1,000 шаговъ, изъ опушки виноградника, съ высоты хребтика посыпался на нее цѣлый градъ пуль. Длина линіи огня

и степень напряженія его ясно свидѣтельствовали о томъ, что колонна имѣть дѣло не съ мелкою партією баши-бузуковъ, а съ цѣлымъ отрядомъ, о силѣ котораго судить пока еще было нельзя. Вслѣдствіе этого генераль Цвѣцинскій велѣлъ 13-му баталіону перестроиться въ боевой порядокъ; 15-й Донской батарее принять вѣво и занять позицію лѣвѣе 13-го стрѣлковаго баталіона; 15-му стрѣлковому баталіону, шедшему за 13-мъ, велѣно было стать лѣвѣе батареи и перестроиться по-ротно; остальнымъ двумъ баталіонамъ и двумъ дружинамъ болгарскаго ополченія остановиться и построиться въ резервномъ порядкѣ. Двумъ ротамъ пластуновъ велѣно стать за правымъ флангомъ 13-го баталіона у подошвы горъ. Еще баталіоны не успѣли исполнить всѣхъ этихъ перестроеній, какъ прибылъ на поле завязавшагося боя генераль Гурко со своимъ штабомъ и подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ осмотрѣлъ всю его позицію. При этомъ онъ замѣтилъ, что склоны главнаго хребта, прилежающіе къ лѣвому флангу позиціи, не были заняты непріятелемъ; кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе, что правый турецкій флангъ позиціи совершенно открытъ. Вслѣдствіе этого онъ отдалъ приказаніе, чтобы обѣ роты пластуновъ немедленно поднялись на горы и обошли лѣвый флангъ непріятеля; кромѣ того, онъ послалъ кавалерійской колоннѣ приказаніе зайти плечомъ направо и ударить противъ праваго фланга позиціи, стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, обойти ее и съ тыла, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать путь отступленія туркамъ къ Казанлыку.

Между тѣмъ, пѣхотная колонна исполнила всѣ распоряженія генерала Цвѣцинскаго и по всей линіи завязалась самая оживленная перестрѣлка, причемъ 15-я батарея, пристрѣлявшись обыкновенными гранатами, начала стрѣлять картечными гранатами съ дистанціонными трубками.

Какъ было уже сказано, генераль Гурко со своимъ штабомъ попалъ подъ сильный ружейный огонь и находился такъ близко отъ стрѣлковой цѣпи, что можно было слѣдить за дѣйствіемъ каждаго отдѣльнаго стрѣлка. При этомъ всѣ были поражены хладнокровіемъ и спокойствіемъ людей. Они весьма тщательно и не торопясь заряжали ружья, ставили спокойно прицѣлы, весьма тщательно прицѣливались и затѣмъ старались слѣдить за паденіемъ пуль, причемъ сообразно съ этими паденіями измѣняли высоты прицѣла. Словомъ сказать, они стрѣляли такъ, какъ будто находились на смотру самаго строгаго инспектора стрѣльбы. Никакой

суетни, никакой безтолковой трескотни. Видно, что бригада отлично обучена и выдержана въ мирное время.

Его Императорское Высочество герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, со времени выхода изъ Тырнова, назначенный начальникомъ всей кавалеріи передового отряда и командовавший въ этотъ день лѣвою колонною, услыхавъ артилерійскіе и ружейные выстрѣлы на своемъ правомъ флангѣ, не дожидаясь приказанія начальника отряда, самъ, по своей личной инициативѣ, свернулъ кавалерійскую колонну и пошелъ на выстрѣлы. Прибывъ на поле сраженія, онъ тотчасъ же двинулъ Астраханскій полкъ противъ праваго фланга непріятеля, казаковъ пустилъ въ тылъ его позиціи, а Кіевскій гусарскій полкъ оставался для связи между обѣими бригадами. Командиръ драгунской бригады, Его Высочество герцогъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, подойдя къ непріятельской позиціи, сбѣшилъ часть драгунъ и, поставивъ между полками батарею полковника Ореуса, открылъ по непріятелю артилерійскій и ружейный огонь, такъ что турки начали обстрѣливаться перекрестнымъ огнемъ. Скоро и 15-я Донская батарея тоже открыла огонь во флангъ и тылъ непріятельской позиціи. Всѣ батареи стрѣляли превосходно. Но, несмотря на губительный перекрестный огонь артилеріи, стрѣлковъ и драгунъ, непріятель стойко стоялъ на позиціи и осыпалъ наши войска цѣлымъ дождемъ пуль. Скоро и пластуны, взобравшись на горы, обошли лѣвый флангъ турокъ, но и ихъ огонь не заставилъ непріятеля очистить позицію. Перестрѣлка, начавшись около 9-ти часовъ, продолжалась уже почти 2¹/₂ часа, то усиливаясь, то становясь менѣе сильною, а непріятель все не очищалъ позиціи. Уже хотѣли было ввести въ дѣло еще баталіонъ, взятый изъ резерва, но въ это время оба баталіона первой линіи пошли въ атаку. Усиливая постепенно цѣпь и подходя къ позиціи непріятеля все ближе и ближе, баталіоны были уже на разстояніи около 300 шаговъ. Усиливъ послѣдній разъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, роты обоихъ баталіоновъ вошли въ цѣпь и дружно пошли впередъ, сопровождаемые по бокамъ густою цѣпью стрѣлковъ. Непріятель открылъ по нимъ самую учащенную стрѣльбу, цѣлый рой пуль летѣлъ надъ головами, но эта учащенная стрѣльба мало наносила вреда. Видно было, что видъ атаки волновалъ турокъ и они стрѣляли плохо прицѣливаясь. И дѣйствительно, когда роты подошли на дистанцію около 150 шаговъ, огонь замѣтно ослабѣлъ, а когда, подойдя еще ближе, роты кинулись на «ура», то позиція была

уже совершенно очищена. Турки, столько времени выдерживавшіе самый губительный огонь нашей артилеріи и пѣхоты, не выдержали вида атаки и когда передъ ихъ глазами сверкнулъ русскій молодецкій штыкъ, то они дрогнули и очистили столь долго обороняемую позицію. Это дѣло, равно какъ и Систовская переправа, показало, что и въ настоящее время штыкъ остался такимъ же молодецкомъ, какъ и во времена Суворова, но что теперь слѣдуетъ пускать его въ ходъ умно, подготовивъ атаку хорошимъ огнемъ и подведя людей на близкія дистанціи, мало по-малу, пользуясь всякимъ укрытіемъ мѣстности. 4-я стрѣлковая бригада и въ дѣлѣ штыковой работы оказалась столько же хорошо обученною, какъ и въ стрѣлковомъ дѣлѣ. Честь и слава бригадѣ; честь и слава ея учителю генералу Цвѣцинскому.

Но занятіемъ главной позиціи, дѣло еще далеко не кончилось. Турки, отступая, пользовались всякимъ мѣстнымъ предметомъ, всякою канавою и валикомъ, чтобы остановиться и начать стрѣльбу. Они видѣли, что путь отступленія имъ отрѣзанъ, а потому и дрались съ ожесточеніемъ. Они влѣзали на деревья и оттуда стрѣляли въ наши войска. Но постоянно и постепенно охватываемые со всѣхъ сторонъ, они скоро выбивались изъ цѣлаго ряда позицій; порядка у нихъ уже никакого не было и они сражались вразсыпную. Видя, что имъ нѣтъ возможности уйти въ Казанлыкъ, они бросились ко входамъ упомянутыхъ выше двухъ ущелій и думали еще тамъ защищаться. Но стрѣлки быстро взобрались на горы, образующія эти ущелья, и огнемъ выбили ихъ и заставили въ страшномъ уже безпорядкѣ искать спасенія въ глубинѣ ущелій.

Спротивленіе, оказанное непріятелемъ у входовъ въ ущелья, были послѣднимъ актомъ боя, прекратившагося окончательно около двухъ часовъ дня.

Видъ непріятельской позиціи свидѣтельствовалъ о стойкости, съ которою турки защищались и о дѣйствительности нашего огня. Вся позиція была буквально усѣяна трупами турокъ. Среди пораженій отъ ружейныхъ пуль особенно непріятное впечатлѣніе производило громадное число убитыхъ осколками артилерійскихъ снарядовъ. Входы въ ущелія буквально были завалены горами труповъ; въ каждомъ изъ нихъ было, по крайней мѣрѣ, до двухъ сотъ труповъ. Вообще, турки понесли жестокое пораженіе.

Вѣсть о сильномъ погромѣ турокъ, скоро распространившаяся по всей долинѣ Тунджи, произвела потрясающее впечатлѣніе на войска, собранныя у Казанлыка и Шипки, и породила между ними

панику. Положительно можно сказать, что сраженіе при Уфлани рѣшило участь Казанлыка и Шипки, тѣмъ болѣе, что, такъ какъ ни одинъ турокъ изъ-подъ Уфлани не прибылъ въ Казанлыкъ, то тамъ думали, что весь отрядъ истребленъ поголовно. Бѣглецы, устѣжавшіе въ горы, частью пробрались разными тропинками на Шипку, частью же, по ночамъ, пробрались черезъ долину и явились въ Иени-Загру.

По разспросамъ плѣнныхъ оказалось, что подъ Уфлани было 5 баталіоновъ (таборовъ) пѣхоты, изъ нихъ большая часть принадлежала къ Анатолійскому низаму и, кромѣ того, были гвардейцы, только-что прибывшіе изъ Константинополя. Кстати, 5 баталіоновъ были высланы наканунѣ изъ Казанлыка и только 3-го числа, ночью, прибыли въ Уфлани. Несмотря на позднее прибытіе и на раннее начало дѣла, они уже успѣли окопаться. Вообще, турки великіе мастера окапываться; не успѣютъ они прибыть на позицію, какъ черезъ нѣсколько часовъ они уже укрѣпляются и, притомъ, укрѣпляются весьма искусно.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ сраженіи, былъ каймакамъ города Казанлыка, присланный папешю для наблюденія за ходомъ боя. Онъ былъ взятъ при входѣ въ одно изъ ущелій. Вислѣдствіи, жители болгаре города Казанлыка рассказывали, что онъ отличался большою относительно ихъ свирѣпостью и былъ бичемъ для тѣхъ болгаръ, которые были вѣрными его управленію. Собравъ дравшіяся войска, генераль Гурко далъ имъ два часа отдыха и затѣмъ около пяти часовъ двинулся далѣе къ Маглишу, куда войска прибыли, когда уже сдѣлалось темно. Тотчасъ послѣ окончанія боя генераль Гурко посѣтилъ всѣ перевязочные пункты и поручилъ своему помощнику генералу Рауху озаботиться о перевозкѣ ихъ въ городъ Казанлыкъ. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ были устроены недалеко отъ передней линіи сражающихся войскъ, такъ что пули долетали до нихъ и доктора должны были давать медицинскую помощь подъ выстрѣлами непріятели. Несмотря на это, доктора работали спокойно и съ полнымъ усердіемъ и всѣ раненые прибыли на другой день въ Казанлыкъ хорошо перевязанными.

Прибывъ на бивакъ, генераль Гурко отдалъ приказаніе относительно движенія на слѣдующій день.

Городъ Казанлыкъ лежитъ въ долинѣ р. Тунджи, у подножія Балканскихъ горъ. Съ сѣверо-восточной стороны къ нему подходятъ отроги главнаго хребта, сильно командующіе надъ городомъ,

но сами по себѣ не особенно высокіе. Движеніе войскъ по этимъ отрогамъ возможно, но только для пѣхоты и небольшихъ кавалерійскихъ частей. Движеніе же по нимъ артилеріи невозможно по причинѣ большихъ овраговъ, изрѣзывающихъ эти отроги по разнымъ направлениамъ. У подножія этихъ отроговъ, къ востоку отъ города, тянутся сады и виноградники, на протяженіи 6—7 верстъ. Сады и виноградники окружаютъ городъ также съ южной и западной сторонъ, но на небольшое протяженіе, не болѣе 1¹/₂ верстъ. Съ сѣверо-западной стороны тянется совершенно открытая равнина, на которой находится нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ рощицъ. Равнина эта подходитъ къ самымъ горамъ, которыя поднимаются изъ нея весьма крутыми подъемами. По равнинѣ этой проходитъ дорога въ дер. Шипку, отъ которой идетъ весьма крутой подъемъ на самый переваль. Разстояніе между дер. Шипкой и Казанлыкомъ около 12-ти верстъ.

Соображаясь со свойствами мѣстности, было приказано движеніе 5-го іюля произвести тремя колоннами. Правая, состоящая изъ 13-го стрѣлковаго баталіона, двухъ ротъ пластуновъ и одной казачьей сотни, должна была принять вправо, подняться на подходящія къ городу отроги Балканскихъ горъ и, слѣдуя по нимъ, стараться обойти городъ съ сѣверной стороны. Средняя колонна, состоящая изъ остальныхъ 3-хъ баталіоновъ стрѣлковой бригады и 2-хъ дружинъ болгарскаго ополченія, при 4-хъ орудіяхъ 10-й Донской батареи, при 8-ми горныхъ орудіяхъ и при двухъ сотняхъ конно-піонерной команды, должна была идти по долинь, по прилегающей къ горамъ дорогѣ и атаковать городъ съ фронта. Наконецъ, лѣвая колонна, состоящая изъ всей остальной кавалеріи, должна была обойти всѣ позиціи непріятеля и дѣйствовать по городу съ южной и западной сторонъ.

Хотя начало движенія для средней и лѣвой колоннъ было назначено въ 6 час. утра, а для правой въ 5¹/₂ час. утра, но такъ какъ правая колонна, по причинѣ представившихся трудностей, отъ свойствъ мѣстности, взобралась на возвышенности довольно поздно, а между тѣмъ генераль Гурко желалъ, чтобы головы всѣхъ колоннъ, съ началомъ движенія, были на одной высотѣ, то пришлось движеніе главныхъ силъ и кавалеріи начать около 7-ми час. утра. Средняя колонна была остановлена выстрѣлами непріятельской батареи, поставленной на опушкѣ виноградниковъ, у дороги, идущей у подножія хребта. Непріятельская батарея стрѣляла съ очень большой дистанціи и постоянно мѣняла свои цѣли: то она

стрѣляла по пѣхотѣ средней колонны, то по ея артилеріи, то, наконецъ, по кавалеріи лѣвой колонны, несмотря на то, что разстояніе до нея было болѣе трехъ верстъ, а также и на то, что непріятельская батарея состояла изъ двухъ или четырехъ горныхъ орудій. Вообще, это общая характеристическая черта дѣйствій турецкой артилеріи, что она чрезвычайно непостоянна и непрерывно мѣняетъ свои цѣли. Хотя, вообще говоря, она стрѣляла весьма хорошо, т. е. очень скоро пристрѣливалась и затѣмъ уже вела очень мѣткую стрѣльбу, но она была весьма непостоянна въ стрѣльбѣ. А такъ какъ общій законъ таковъ, что артилерія и вообще огнестрѣльный бой достигаетъ какихъ-либо результатовъ только въ болѣе или менѣе продолжительное время, то очень понятно, что, при подобной манерѣ стрѣльбы, турецкая артилерія никогда не достигала какихъ-либо порядочныхъ результатовъ, а наносила только случайныя пораженія. Другая причина ничтожной дѣйствительности стрѣльбы турецкой артилеріи состояла въ томъ, что она, пользуясь прекрасными свойствами великолѣпныхъ круповскихъ орудій, стрѣляла на громадныя дистанціи, открывая огонь съ 2,000 и болѣе сажень. А такъ какъ на этой дистанціи полетъ снарядовъ весьма крутъ, то всѣ осколки летѣли такъ круто, что перелетали черезъ головы, не нанося никакого пораженія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда снаряды падали въ разстояніи 10-ти шаговъ отъ цѣли. Кромѣ того, въ турецкой артилеріи процентъ неразрывающихся гранатъ былъ весьма великъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ, турецкая артилерія—противникъ былъ не опасный. Артилерія передового отряда скоро поняла своего противника и никогда не отвѣчала на стрѣльбу съ дальнихъ дистанцій. Напротивъ того, она всегда подѣзжала на близкія дистанціи, никогда не болѣе 800 саж., и своимъ постоянствомъ, мѣткостью и стрѣльбою превосходнымъ нашимъ снарядомъ—картечною гранатою съ дистанціонною трубкою, оказавшимся весьма практичнымъ и боевымъ снарядомъ—скоро заставляла непріятельскую артилерію прекращать огонь, несмотря на то, что, ловко пользуясь свойствами мѣстности, турки всегда ставили свои орудія весьма удачно и, въ большей части случаевъ, сверхъ того еще прикрывали искусственными укрѣпленіями.

Итакъ, движеніе средней колонны было остановлено выстрѣлами турецкой артилеріи. Тотчасъ 14-й и 16-й баталіоны построились въ боевой порядокъ, артилерія (№ 10-й батарея) выѣхала на позицію и завязался огнестрѣльный бой. Нѣсколько позже ге-

пераль Цвѣцинскій вѣзвалъ на позицію и горную артилерію. Такъ какъ у непріятели было только отъ двухъ до четырехъ орудій, то перевѣсъ въ артилеріи оказался на нашей сторонѣ, и такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ и кавалерія передового отряда, съ конною артилеріею, обогнувъ правый флангъ непріятели, тоже открыла огонь изъ орудій во флангъ позиціи, то перевѣсъ оказался весьма значительный. Несмотря на сильную перекрестную стрѣльбу артилеріи, стрѣлковъ и спѣшенныхъ драгунъ, непріятель держался на позиціи весьма упорно. Вообще это общая характеристическая черта, что турки весьма упорно и стойко отстаиваютъ свои позиціи, въ особенности если онѣ укрѣплены. А такъ какъ они почти всегда укрѣпляли свои позиціи, то не было примѣра въ дѣйствіяхъ передового отряда за Балканами слабаго сопротивленія со стороны турокъ. Они гибли въ массахъ, но не покидали позицій. Для того, чтобы принудить ихъ къ очищенію позиціи, надо было сначала нанести имъ сильный, весьма чувствительный вредъ огнемъ, а потомъ или обойти ихъ позицію и ударить съ фланга, или же, подведя войска незамѣтнымъ для нихъ образомъ, кинутся неожиданно въ штыки. Штыковую атаку они не выдерживали и если атакующіе успѣвали подойти до позиціи шаговъ на 100—150, то они начинали отступать. При этомъ, разъ что турки начинали отступать, то энергія сразу покидала ихъ, они падали духомъ и скоро обращались въ беспорядочное бѣгство. По крайней мѣрѣ такъ было въ дѣйствіяхъ передового отряда. Въ особенности дурно дѣйствовало на турокъ, если наша артилерія заставляла замолчать ихъ артилерію.

Поэтому, наша тактика противъ турокъ, должна была состоять въ слѣдующемъ: пользуясь значительнымъ превосходствомъ въ артилеріи, сначала боя выставить превосходную противъ непріятели артилерію, стараясь при этомъ устраивать перекрестный огонь. Первоначальныя дѣйствія артилеріи должны быть преимущественно направлены противъ турецкой артилеріи и только въ случаѣ сильнаго превосходства въ этомъ отношеніи, часть орудій направлять на пѣхоту. Позицію для батарей слѣдуетъ занимать всегда на небольшомъ относительно разстояніи, около 800 саж. и отнюдь не далѣе (и то только для 9-ти фут. орудій) 1,000 саж. Пристрѣлявшись гранатами, весьма скоро переходить къ стрѣльбѣ картечными гранатами. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при толковомъ веденіи стрѣльбы батарейными командирами черезъ нѣсколько часовъ артилерійскаго боя, непріяТЕЛЬСКАЯ артилерія

или замолчить, или значительно ослабить свой огонь. Тогда направлять свой огонь противъ пѣхоты, пристрѣливаться обыкновенными гранатами и затѣмъ переходить къ шрапнели. Въ это время пѣхота должна выслать цѣпь, которая, не отвѣчая на огонь турокъ, должна подходить къ непріятелю на дистанціи не болѣе 500, 600 шаг., при ружьяхъ Кринка, и отъ 600 до 700 шаг. при ружьяхъ Бердана. Турки непремѣнно откроютъ огонь съ дистанцій отъ 1,200 до 1,500 шаг. а можетъ быть и большихъ. Но было бы очень большою ошибкою отвѣчать на ихъ огонь. Самая опасная сфера турецкаго огня отъ 800 до 1,200 и даже 1,400 шаг., потому что они всегда стрѣляютъ подъ большими углами возвышенія, стрѣляютъ скоро и выпускаютъ массу пуль; такъ что количествомъ выпускаемыхъ пуль они вознаграждаютъ качество, обыкновенно очень плохое, стрѣльбы. Поэтому необходимо какъ можно скорѣе проходить эту сферу и отнюдь не останавливаться для стрѣльбы. Самая безопасная сфера турецкаго огня, это отъ 300 до 800 шаговъ. Въ этой сферѣ должна начинаться, развиваться и доходить до наибольшаго напряженія, стрѣльба нашихъ цѣпей. Роты, идущія за цѣпью, должны тоже какъ можно скорѣе проходить сферу дальнихъ выстрѣловъ и притомъ идти, пользуясь всѣми самыми малѣйшими изгибами мѣстности, причемъ весьма полезно наступать перебѣжками. Положительно можно сказать, что внимательные и расторопные ротные и баталіонные командиры почти всегда могутъ довести свои части безъ сколько нибудь чувствительныхъ потерь на довольно близкія дистанціи отъ турецкихъ позицій и расположить ихъ за мѣстными укрытіями. Въ этотъ періодъ боя слѣдуетъ подводить безостановочно цѣпи все ближе и ближе къ непріятельской позиціи и усиливать ихъ. Когда же артилерія обратитъ свои выстрѣлы противъ пѣхоты, тогда цѣпи должны быть уже доведены до maximum'a своей густоты. Не должно торопиться атакою и прежде чѣмъ начать ее, слѣдуетъ возможно лучше и сильнѣе обстрѣлять непріятельскія позиціи. Когда же будетъ признано, что атака подготовлена основательно, тогда не вести войска въ атаку по частямъ, а сразу пускать довольно сильныя части, причемъ предварительно подводить ихъ постепенно настолько близко къ позиціи, насколько свойства мѣстности позволяютъ подойти скрытно и незамѣтно. При подготовкѣ атаки артилерія должна подѣхвать ближе къ непріятелю и не столько для того, чтобы лучше и сильнѣе обстрѣлять непріятеля, сколько для того, что видъ наступающей артилеріи всегда дѣйствуетъ

ленную перекрестнымъ огнемъ артилерійскимъ и ружейнымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, непріятель не выдержалъ и началъ отступленіе. Во время этой атаки были взяты два турецкихъ орудія.

Пока это происходило въ центрѣ, Его Высочество герцогъ Николай Максимиліановичъ Романовскій атаковалъ съ кавалеріею самый городъ, обскакавъ его съ юга и съ запада. Обстрѣлявъ предварительно опушку города артилерійскимъ огнемъ и огнемъ шпешенныхъ драгунъ, онъ пустилъ въ городъ кievскихъ гусаръ и казаковъ. Эта смѣлая атака удалась какъ нельзя лучше. Турки, энергія которыхъ уже ослабѣла, вслѣдствіе беспорядочнаго отступленія съ двухъ позицій, не оказали большого сопротивленія и убѣжали изъ города.

Занятіе города поставило въ крайне затруднительное положеніе турецкую пѣхоту, отступавшую со второй позиціи и еще не успѣвшую пройти черезъ городъ. Ей оставалось пройти виноградниками, между городомъ и высотами. Но здѣсь, тѣсняемая со всѣхъ сторонъ нашими войсками, она едва успѣла убѣжать въ долину, въ направленіи къ Хаскіюю, причемъ, кромѣ большого числа убитыхъ и раненыхъ, она потеряла болѣе 700 человекъ плѣнными. Бой кончился во второмъ часу дня. Поручивъ преслѣдованіе бѣгущихъ кавалеріи, генераль Гурко остановилъ пѣхоту для отдыха и самъ вѣхалъ въ городъ.

Какъ и въ Тырновѣ, встрѣча, оказанная генералу, была самая восторженная. Духовенство въ полномъ облаченіи съ хоругвями и образами встрѣтило его при входѣ въ болгарскую часть города. Но еще раньше, при входѣ въ мусульманскій кварталъ, который расположенъ въ восточной части города, генераль Гурко былъ встрѣченъ почти всѣмъ мусульманскимъ населеніемъ. Онъ сказалъ имъ рѣчь, сущность которой состояла въ томъ, что они никѣмъ не будутъ обижаемы и что генераль беретъ ихъ подъ свое покровительство, но только при томъ условіи, если они выдадутъ все оружіе и сами не будутъ обижать христіанъ. При этомъ онъ объявилъ, что если изъ какого-либо дома въ городѣ будетъ выстрѣлъ, или если гдѣ-либо будетъ найдено спрятанное оружіе, то виновные будутъ немедленно казнены. Поручивъ исполненіе его приказаній относительно выдачи оружія мулламъ и болѣе вліятельнымъ гражданамъ изъ магометанъ, генераль Гурко проѣхалъ черезъ турецкій кварталъ и вѣхалъ въ болгарскій. Проѣхавъ черезъ весь городъ, онъ остановился въ женскомъ монастырѣ, расположенномъ на западной окраинѣ города. Отслушавъ благодарственный молебенъ въ

церкви, генераль Гурко вышелъ на дворъ монастыря и, сѣвъ въ тѣни, обратился къ игуменья съ просьбою о принятіи къ себѣ нашихъ раненыхъ. Игуменья и всѣ монахини были въ восторгѣ, приняли всѣхъ раненыхъ и впослѣдствіи оказывали имъ самый старательный, самый усердный уходъ. Когда же черезъ нѣсколько времени пришлось отправлять раненыхъ въ Тырново, то монахини просили не отсылать ихъ до полного выздоровленія. Это наши раненые и мы бы желали совершенно поставить ихъ на ноги, говорили онѣ. Но исполнить этой просьбы было нельзя, въ виду разныхъ случайностей войны.

Пробывъ въ монастырѣ нѣсколько болѣе полу-часа и приказавъ генералу Цвѣцинскому въ 4 часа пополудни двинуться къ деревнѣ Шипкѣ, генераль Гурко со всею свитою поѣхалъ на рысяхъ къ кавалеріи. Онъ догналъ кавалерію пройдя уже деревню Хаскіой и около 5-ти часовъ вечера прибылъ съ нею къ подножію Шипкинскаго перевала. На другой день утромъ генераль Раухъ былъ командированъ въ городъ для устройства раненыхъ, городского управленія и для распоряженій по снабженію отряда печенымъ хлѣбомъ. Въ городѣ должна была остаться одна дружина болгарскаго ополченія.

По пріѣздѣ къ дер. Шипкѣ тамъ было найдено слѣдующее положеніе дѣлъ: турецкія войска, стоявшія лагеремъ около деревни, у подножія горъ, двинулись было къ Казанлыку, но, увидавъ наши войска на высотахъ и узнавъ, что дѣла въ городѣ идутъ дурно, повернули назадъ и съ большою поспѣшностью начали подниматься на гору, на вершину Шипкинскаго перевала. При этомъ поспѣшномъ отступленіи на горы они оставили весь свой лагерь не тронутымъ; въ немъ были найдены большіе запасы галетъ, рису, а также патроновъ и другихъ боевыхъ припасовъ. Всѣ палатки въ лагерѣ были на мѣстахъ. Во многихъ палаткахъ были найдены большіе ящики съ патронами, прислапные, судя по клеймамъ и надписямъ, изъ Лондона съ различными боевыми припасами и хирургическими инструментами. Всего было въ изобиліи и видно было, что турки въ этомъ лагерѣ ни въ чемъ не нуждались. Большіе и прекрасные котлы стояли еще надъ разведеннымъ огнемъ и въ нихъ варилась пища; надо полагать, что турки готовились обѣдать и ушли изъ лагеря безъ обѣда. На полѣ горѣ видѣнъ былъ хвостъ отступавшей пѣхоты. Вся вершина горы была унижена народомъ. Жители деревни Шипки сообщили, что на верху у турокъ провіанта мало, что главные запасы у нихъ были внизу, въ ла-

герѣ и что турки заставляли ихъ возить провіантъ на верхъ изъ этого лагеря. Это свѣдѣніе было весьма пріятно, потому что ясно свидѣтельствовало о томъ, что переваль будетъ скоро нашъ, такъ какъ голодь скоро заставить очистить его.

Пѣхота отряда прибыла уже поздно вечеромъ, передъ самымъ наступленіемъ темноты. Очевидно, что въ этотъ день нельзя было предпринять никакихъ дѣйствій, а потому, занявъ деревню авангардомъ, весь отрядъ расположился на бивакъ.

Хотя передовой отрядъ занялъ городъ и нанесъ непріятелю весьма сильное пораженіе, тѣмъ не менѣе, окрестности города не были еще очищены отъ мелкихъ шакъ баши-бузуковъ, разбѣжавшихся послѣ пораженія турецкихъ войскъ. Шайки эти разбѣжались по рощамъ и стрѣляли оттуда въ наши разъѣзды. Жертвою ихъ палъ полковникъ графъ Роникеръ, конно-піонерный командиръ. Возвращаясь въ городъ во главѣ одной изъ своихъ сотенъ по сжатому полю, онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ-за сноповъ съ разстоянія не болѣе 30—40 шаговъ, шайкою человекъ въ 20. Онъ получилъ двѣ смертельныя раны и вскорѣ умеръ. Вся шайка была немедленно изрублена. Для очищенія окрестностей, какъ вечеромъ 5-го іюля, такъ и утромъ 6-го іюля были высылаемы сильные кавалерійскіе разъѣзды, которые вскорѣ очистили всѣ окрестности города и привели до 150 солдатъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, разбѣжавшихся послѣ сраженія.

Вглядываясь въ занятую непріателемъ позицію на верху горы св. Николая и узнавъ черезъ плѣнныхъ турокъ и мѣстныхъ жителей, что на Шипкинскомъ перевалѣ находится до 14-ти таборовъ регулярной турецкой пѣхоты, генераль Гурко пришелъ къ убѣжденію, что атаковать столь сильную позицію, защищаемую такимъ большимъ числомъ таборовъ, есть дѣло почти невозможное. Съ другой стороны, принимая во вниманіе недостатокъ продовольствія на горѣ и невозможность получать его откуда либо, было очевидно, что днѣ черезъ два, или три, переваль долженъ былъ пасть самъ собою. Оставалось только занять ближайшія тропинки, ведущія на верхъ горы. Съ этою цѣлью, генераль Гурко выслалъ сильные кавалерійскіе отряды въ Софларъ, Гемеди (Иметли) и въ Янину, откуда поднимались тропинки, по которымъ можно пробраться на Шипкинскій переваль. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, онъ пришелъ къ полному убѣжденію, что черезъ нѣсколько дней переваль будетъ въ нашихъ рукахъ. Но, несмотря на это убѣжденіе, генераль Гурко находилъ себя обязаннымъ предпринять

6-го іюля если не атаку турецкой позиціи, то, по крайней мѣрѣ, сильную диверсію. Причина этому заключалась въ томъ, что когда еще не весь отрядъ находился въ Ханпкюѣ, то получено было предписаніе отъ полевого штаба арміи, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалось, когда именно генераль Гурко рассчитываетъ занять Казанлыкъ и быть у Шипки, съ тѣмъ, чтобы, немедленно послѣ его прибытія къ перевалу, предпринять одновременную атаку перевала съ южной и сѣверной сторонъ— со стороны Габрово. Генераль Гурко отвѣчалъ, что онъ надѣется быть въ Казанлыкѣ 5-го іюля и, если обстоятельства позволяютъ въ тотъ же день подойти и къ дер. Шипкѣ. Такъ какъ 5-го іюля вечеромъ отрядъ дѣйствительно стоялъ у подножія перевала, то генераль полагалъ, что атака съ сѣвера будетъ предпринята 6-го іюля, а потому нельзя было не поддержать этой атаки сильною диверсіею изъ долины Тунджи. Побуждаемый этими соображеніями, онъ съ вечера отдалъ приказъ, чтобы 6-го іюля два стрѣлковыхъ баталіона атаквали позицію турокъ. Но такъ какъ большая дорога, ведущая на переваль, подходитъ къ самой сильной и почти совершенно неприступной части позиціи, то рѣшено было подняться по горнымъ тропинкамъ и вести атаку съ восточной стороны, гдѣ находилась командующая надъ переваломъ высота. Для того же, чтобы привлечь вниманіе турокъ къ большой дорогѣ, по ней были посланы двѣ роты пластуновъ. Для указанія же дороги были присканы проводники изъ мѣстныхъ жителей.

Съ раняго утра 6-го іюля, наши кавалерійскіе разъѣзды начали приводить турецкихъ солдатъ, бѣжавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ съ высоты перевала. Число пойманныхъ бѣглецовъ къ 9-ти часамъ утра было уже болѣе 50-ти. Всѣ они говорили, что бѣжали потому, что на горѣ сильный недостатокъ продовольствія и что они уже вчера почти ничего не ѣли. Показанія эти еще болѣе подтверждали увѣренность въ скоромъ паденіи перевала. Между тѣмъ и положеніе передоваго отряда было въ это время нѣсколько рискованно. Если турки продержатся на горѣ дня четыре или пять, то къ этому времени могли бы быть подвезены по желѣзной дорогѣ въ Лени-Загру свѣжія турецкія войска, которыя выйдя изъ ущелія Дербенткюйскаго (на дорогѣ изъ Ески-Загры въ Казанлыкъ); могли бы ударить въ тылъ нашему отряду. Поэтому, желая побудить турокъ къ скорѣйшему очищенію горъ, генераль Гурко, утромъ 6-го іюля, послалъ пашѣ, командовавшему турецкими войсками, письмо, въ которомъ, указавъ на его критическое положе-

ніе, предложилъ ему положить оружіе, обѣщая при этомъ даровать всѣмъ личную свободу. Письмо было отправлено въ 8-мъ часу утра.

13-й и 15-й стрѣлковыя баталіоны, назначенныя для производства диверсій, двинулись около 10-ти часовъ утра. Полчаса спустя двинулись по горѣ и пластуны. Долго взбирались наверхъ наши стрѣлки; дорога, или вѣрнѣе, узкая тропинка, оказалась очень трудной для движенія. Только около 2-хъ часовъ пополудни они приблизились къ вершинѣ горы. Турки, вниманіе которыхъ было привлечено движеніемъ пластуновъ, не замѣтили приближенія стрѣлковъ и были застигнуты совершенно врасплохъ. На западномъ скатѣ горы, по восточному склону которой взбирались наши стрѣлки, былъ у турокъ разбитъ лагерь приблизительно баталіона на два или на три, на вершинѣ же горы было построено незначительное укрѣпленіе. Изъ этого укрѣпленія турки замѣтили наши баталіоны тогда, когда они были уже очень близко. Какъ только турки замѣтили нашихъ стрѣлковъ въ очень близкомъ отъ себя разстояніи, тотчасъ же выкинули въ укрѣпленіи бѣлый парламентерскій флагъ. Полковникъ Климонтовичъ, командовавшій всѣмъ отрядомъ, какъ только увидалъ бѣлый флагъ, велѣлъ нашимъ стрѣлкамъ остановиться и затѣмъ выслалъ офицера тоже съ бѣлымъ флагомъ и переводчикомъ для переговоровъ. Но весь этотъ маневръ, со стороны турокъ, былъ ничто иное, какъ, такъ называемая восточная военная хитрость, произведенная съ цѣлью дать время турецкимъ войскамъ, паходившимся въ лагерь, собраться, устроиться и приготовиться къ оборонѣ. Пока полковникъ Климонтовичъ остановилъ свои баталіоны, пока далъ офицеру пужныя инструкціи, время прошло, турки приготовились, а потому, по понятіямъ ихъ, можно было уже не стѣсняться болѣе правилами чести. И дѣйствительно, какъ только нашъ офицеръ подъѣхалъ къ укрѣпленію шаговъ на 150, по немъ былъ сдѣланъ сильный залпъ, къ счастью никого не убившій и затѣмъ бѣлый флагъ на укрѣпленіи былъ убранъ. Войска наши, озлобленныя такимъ паглымъ злоупотребленіемъ парламентерскаго флага, бросились впередъ и въ самомъ непродолжительномъ времени завладѣли укрѣпленіемъ и высотой и прогнали турокъ въ большомъ безпорядкѣ на главную ихъ позицію.

Взойдя на эту высоту, полковникъ Климонтовичъ осмотрѣлъ непріятельскую позицію. Оказалось, что она чрезвычайно сильна. Огромный оврагъ отдѣлялъ ее отъ высоты, уже нами занятой.

Весьма узкій перешеекъ соединялъ эту высоту съ турецкой позиціей. Разстояніе между нашими стрѣлками и турками было не болѣе 600—800 сажель. Атаковать переваль можно было имъ только по узкому перешейку и по склонамъ, къ нему прилегающимъ. На высотѣ, занятой турками, было возведено нѣсколько укрѣпленій, вооруженныхъ артилерією. Очевидно, что всякая атака столь сильной и укрѣпленной позиціи была немыслима. Тѣмъ не менѣе, желая привлечь все вниманіе турокъ къ восточной сторонѣ и тѣмъ облегчить атаку войскъ, направленную съ сѣверной и, быть можетъ западной стороны, полковникъ Климонтовичъ разсыпалъ нѣсколько ротъ направо и налево отъ перешейка, соединяющаго нашу позицію съ непріятельской, а по самому перешейку пустилъ нѣсколько другихъ ротъ, прикрытыхъ густою цѣпью. Непритель, замѣтивъ это, приблизилъ къ восточной окраинѣ своей позиціи большую часть своихъ резервовъ и открылъ весьма сильный и губительный огонь. Движеніе впередъ по открытому перешейку сдѣлалось невозможнымъ, а потому роты остановились и залегли. Тѣмъ не менѣе онѣ несли большія потери. Въ такомъ положеніи стрѣлки простояли болѣе часу. Полковникъ Климонтовичъ все ждалъ обѣщанной атаки съ сѣвера. Былъ уже пятый часъ, а все никакъ атаки ни съ сѣвера, ни съ запада не было видно. Тогда полковникъ Климонтовичъ разсудилъ, что вѣроятно атаки не будетъ и что стоять дольше значитъ совершенно напрасно, безъ всякой пользы, губить людей. Разсудивъ такимъ образомъ, онъ послалъ приказаніе всѣмъ войскамъ медленно отходить на вершину горы. А затѣмъ, въ началѣ шестого часа, придя къ окончательному заключенію, что обѣщанной атаки не будетъ, началъ отводить свои баталіоны назадъ въ долину. Турки, замѣтивъ наше отступленіе, перешли немедленно въ наступленіе и провожали наши войска самымъ адскимъ огнемъ. Занявъ очищенную нами высоту, они остановились. Во время этого отступленія палъ геройскою смертію полковникъ Климонтовичъ. Баталіоны сошли внизъ уже около 8 час. вечера. Потеря наша была около 150 чел. убитыми и ранеными. Потеря турокъ была больше нашей; они особенно много потеряли во время безпорядочнаго отступленія съ восточной горы, во время первой нашей атаки.

Вечеромъ 6-го же числа, черезъ посредство болгаръ, которые пришли къ отряду изъ Габрова окольными тропинками, было получено извѣстіе отъ полковника Элерса, что обѣщанная атака была произведена 5-го іюля Орловскимъ полкомъ его дивизіи, по

что атака была неудачна. Такимъ образомъ, тутъ вышло недоразумѣніе, такъ какъ 5-го іюля передовой отрядъ не имѣлъ физической возможности произвести атаку перевала.

7-го іюля рано утромъ было донесено съ передовыхъ постовъ что съ горы пріѣхалъ турецкій офицеръ съ бѣлымъ флагомъ и привезъ письмо отъ паши къ генералу. Черезъ нѣсколько времени, офицеръ этотъ былъ приведенъ на бивакъ генерала Гурко и передалъ письмо, подписанное двумя бригадными генералами Мегметъ-Халузи-пашею и Ибрагимъ-пашею. Въ письмѣ этомъ паши сообщали, что они получили письмо генерала и согласны, при условіи дарованія личной свободы, положить оружіе и вслѣдствіе этого просятъ сообщить ближайшія условія сдачи, т. е. установить самый порядокъ сдачи. Генераль Гурко прежде всего осыпалъ упреками офицера за вчерашнее злоупотребленіе парламентарскимъ флагомъ; а затѣмъ поручилъ начальнику штаба запясться установленіемъ порядка сдачи оружія турецкими войсками. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ во время отступленія стрѣлковыхъ баталіоновъ съ горъ было оставлено на верху много труповъ и человѣкъ около 20-ти раненыхъ, то генераль приказалъ написать въ отвѣтномъ письмѣ пашамъ, что онъ посылаетъ въ горы до 50-ти человѣкъ санитаровъ для подбора раненыхъ и убитыхъ. При этомъ онъ предупреждаетъ пашей, что санитары будутъ безъ оружія при одномъ офицерѣ и медикѣ и потому онъ проситъ ихъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы съ людьми этими ничего не случилось. Безопасность санитаровъ генераль ввѣряетъ ихъ чести и выражаетъ увѣренность, что они вернутся назадъ совершенно невредимыми. Когда письмо было готово, оно было переведено на турецкій языкъ и офицеръ былъ отправленъ обратно на переваль. По условію, первый сдающійся эшелонъ долженъ былъ выйти изъ укрѣпленій около 10 час. утра и спуститься по большой дорогѣ. Дѣйствительно, въ условленный часъ показалась на верху горы колонна турецкой пѣхоты, впереди которой было два бѣлыхъ флага. Черезъ часъ съ четвертью колонна эта уже спустилась внизъ и у деревни Шипки сложила оружіе. Оказалось, что въ ней было до 300 человѣкъ регулярной пѣхоты и при ней былъ одинъ офицеръ и одинъ докторъ. Люди были обезоружены и имъ было отведено мѣсто возлѣ бивака пѣхоты.

Между тѣмъ, санитары паши отправились еще въ 7 часовъ утра и давно уже скрылись изъ вида. По условіямъ сдачи, эшелоны должны были слѣдовать одинъ за другимъ черезъ часъ времени.

Но въ 11 часовъ никакого другого эшелона на верху не показывалось. Оживленія, обыкновенно бывшаго на горѣ, не было замѣтно во все время. Вслѣдствіе этого генераль Гурко началъ сомнѣваться въ искренности предложенія нашей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокоиться за участь санитаровъ. Около 12-ти часовъ съ перевала прибылъ казакъ отъ офицера, посланнаго съ санитарами, съ донесеніемъ, что онъ взобрался на верхъ горы, на которой вчера былъ бой и не нашелъ на ней турокъ. На горѣ Св. Николая (т. е. на главной турецкой позиціи) онъ тоже никого не видѣлъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился взойти на самыя турецкія позиціи и нашелъ ихъ совершенно покинутыми турками, оставившими въ укрѣпленіяхъ много орудій. Что же касается до убитыхъ и раненыхъ, то всѣ они подверглись страшнымъ истязаніямъ и поруганіямъ. У нихъ турки отрѣзали головы и разные члены и всѣхъ ихъ сложили въ одну общую груду, головы ихъ отнесли въ главныя укрѣпленія. Такимъ образомъ, первая часть нашихъ войскъ, взшедшая на Шипкинскій перевалъ, была команда санитаровъ 4-й стрѣлковой бригады.

Итакъ, турки вторично злоупотребили парламентарскимъ флагомъ, прибѣгнувъ снова къ такъ называемой восточной хитрости. Оказалось, что еще 6-го іюля, послѣ отступленія нашихъ баталіоновъ, турки начали очищать свои позиціи и потянулись горными, трудно-доступными тропинками на западъ. Причиною ихъ отступленія былъ полный недостатокъ съѣстныхъ припасовъ: у нихъ оставалось провизіи всего дня на три, да и то въ уменьшенныхъ порціяхъ, а этого запаса едва могло хватить на ихъ переходъ по горамъ, тѣмъ болѣе, что въ это время наши кавалерійскія части были протянуты до Калофера, слѣдовательно, имъ надо было идти на Карлово, т. е. сдѣлать горами около 60-ти верстъ. Опасаясь новой атаки нашей 7-го іюля, которая могла бы помѣшать ихъ отступленію, они, во-первыхъ, начали отступленіе съ вечера 6-го іюля и производили всю ночь; во-вторыхъ, вздумали остановить наши войска фальшивыми переговорами о сдачѣ. Для того же, чтобы окончательнo усыпить вниманіе, они даже пожертвовали 300 человекъ. Но, впрочемъ, они ошиблись въ своихъ расчетахъ, потому что генераль Гурко вовсе не имѣлъ въ виду производить ни 7-го іюля, ни позже никакой атаки, такъ какъ онъ не хотѣлъ разбивать объ эти атаки и безъ того слабый численностью отрядъ свой; такъ что жертва 300 человекъ была съ ихъ стороны совершенно напрасная.

Извѣстіе, присланное командиромъ санитарной команды, съ одной стороны сильно разсердило генерала Гурко, въ особенности все, что касалось до нашихъ убитыхъ и раненыхъ. Но за то, съ другой стороны, оно его обрадовало тѣмъ, что лучший перевальъ черезъ Балканы наконецъ переходилъ въ наши руки. Что же касается до хитрости турокъ, то она его разсмѣшила. Положеніе отряда сразу улучшилось, потому что открывался прямой путь сообщенія съ нашими войсками, стоявшими въ Габрово, выигрывался путь отступленія и пріобрѣталась база. Когда еще 6-го іюля кто-то спросилъ генерала—гдѣ ваша база, то онъ отвѣчалъ, указывая на турецкій лагерь, возлѣ деревни Шипки, вотъ моя база—турецкіе галеты. Генераль Гурко рѣшилъ ѣхать на переваль для осмотра позиціи и велѣлъ приготовить конвой изъ двухъ сотенъ казаковъ. Но около 3-хъ часовъ пополудни получено было допесеніе генераль-маіора Скобелева 2-го, что онъ съ 12-ю ротами Орловскаго полка занялъ переваль въ 2¼ часа дня. Вслѣдствіе этого извѣстія генераль Гурко поѣхалъ на верхъ безъ конвоя только со своею свитою.

Позиція на горѣ Св. Николая оказалась почти совершенно неприступною крѣпостью. Спускъ съ перевала на югъ идетъ по скалистой и весьма крутой горѣ. Подъемъ, продѣланный на этой горѣ, очень крутой и труденъ для подъема большихъ тяжестей. Склонъ горы оканчивается на вершинѣ совершенно отвѣсною скалою, высотой около 8 сажень. Дорога, взобравшись на самый верхъ горы, проходитъ у подошвы скалы и поворачивается на сѣверъ по очень узкой бермочкѣ. Если ѣхать изъ долины Тунджи, то лѣвая сторона бермочки ограждена только-что упомянутою скалою, а справа идетъ крутой обрывъ. Такимъ образомъ, позиція на перевалѣ съ южной стороны совершенно неприступна. Съ восточной стороны лежитъ глубокой и крутой оврагъ, отдѣляющій гору Св. Николая отъ той горы, на которой сражались наши стрѣлки 6-го іюля. Обѣ эти горы соединяются между собою узкимъ перешейкомъ, раздѣляющимъ оврагъ на двѣ части — сѣверную и южную. Восточная гора выше перевала и командуетъ всею позиціею на горѣ Св. Николая. Совершенно подобный же характеръ мѣстности и съ западной стороны позиціи. Сѣверная часть позиціи имѣетъ видъ подковы и тоже оканчивается крутымъ спускомъ. Отъ лѣвой стороны подковы отдѣляется кряжъ постепенно спускающійся къ сѣверу. По этому кряжу проходитъ дорога въ Габрово. Такимъ образомъ, взобратъ на верхъ горы, кромѣ

большой дороги, спускающейся въ долину Тунджи, можно только по двумъ узкимъ перешейкамъ и по узкому кряжу, спускающемуся въ Габрово. Со всѣхъ остальныхъ сторонъ приходится спускаться по весьма крутымъ и большимъ спускамъ. Все это дѣлаетъ позицію Шипкинскаго перевала почти недоступною для атаки. Слабая сторона ея состоитъ въ томъ, что къ западу и востоку отъ нея находятся командующія высоты. Такъ что если эти высоты будутъ заняты непріятелемъ, который поставитъ на нихъ артилерію, то онъ будетъ въ состояніи обстрѣливать всю позицію. Для того, чтобы предохранить ее отъ этого обстрѣливанія, необходимо занять обѣ высоты отдѣльными укрѣпленіями и постоянно держать на нихъ хотя бы небольшіе гарнизоны. Турки очень хорошо поняли эти слабыя стороны позиціи, возвели на упомянутыхъ высотахъ отдѣльныя укрѣпленія и держали на каждой изъ этихъ горъ по два или по три баталіона. Правда, что укрѣпленія ими построенныя на этихъ горахъ не были сильны, но это, быть можетъ, произошло отъ того, что они не успѣли возвести болѣе сильныхъ.

Вѣхавъ на верхъ горы, всѣ были поражены торжественно-угрюмымъ видомъ окружающихъ горъ. Картина была великолѣпна; но всѣ были еще болѣе поражены видомъ нашихъ убитыхъ. Многіе изъ этихъ труцовъ до истязанія ихъ турками были живы и морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу при мысли о тѣхъ ужасныхъ мученіяхъ, которыя эти несчастные перенесли передъ своею смертію. Пирамида головъ нашихъ солдатъ, возвышавшаяся по срединѣ позиціи, быть можетъ, передъ ставками нашей, приводила всѣхъ въ ужасъ. Почти на верху пирамиды помѣщалась голова командира пластунскаго полубаталіона, убитаго въ дѣлѣ 6-го іюля. У большинства видѣвшихъ всѣ эти ужасы и мерзости невольно вырывались восклицанія: отнынѣ нѣтъ пощады туркамъ, отнынѣ не будетъ больше плѣнныхъ.

На главной позиціи были найдены девять турецкихъ орудій, поставленныхъ на укрѣпленіяхъ. Шесть изъ нихъ были совершенно въ исправномъ видѣ, и такъ какъ турки оставили также много снарядовъ и зарядовъ, то наши артиллеристы черезъ нѣсколько дней воспользовались ими и сдѣлали опытную стрѣльбу. Лагери всѣ были въ полномъ порядкѣ, но продовольствія нигдѣ не было.

Осмотрѣвъ позицію, генераль Гурко съѣхалъ внизъ и тотчасъ поѣхалъ въ Казанлыкъ, куда прибылъ уже въ двѣнадцатомъ часу ноч.

Занятіемъ Шипкинскаго перевала окончился первый періодъ дѣйствій передового отряда. Во время этого періода отрядъ разбилъ: въ Тырновѣ — 5 баталіоновъ (таборовъ), въ Хаинкіюфъ и Конапо — 4 баталіона, въ Оресари — 3 баталіона, подъ Уфлани — 5 баталіоновъ, подъ Казанлыкомъ — 4 баталіона, на Шипкѣ около 14-ти баталіоновъ, всего же — 35 баталіоновъ. Взято три знамени, 11 орудій, множество ружей и всякаго рода боевыхъ припасовъ и почти 2,000 пераненныхъ плѣнныхъ. Результатомъ дѣйствій этого періода было овладѣніе всѣми четырьмя проходами: Шипкинскимъ, Травненскимъ, Хаинкіюйскимъ и Еленскимъ.

Всѣ эти проходы въ настоящее время въ нашихъ рукахъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ скоромъ времени по нимъ пройдетъ наша армія при ея наступательномъ движеніи впередъ.

Такимъ образомъ окончилась операція овладѣнія Балканами, считавшаяся, послѣ переправы черезъ Дунай, самую трудною операціею, предстоявшею нашей арміи. Столь блестящій успѣхъ былъ достигнутъ благодаря вѣрно задуманному и смѣло исполненному плану. Малѣйшее колебаніе, малѣйшее промедленіе могли испортить все дѣло. Быстрота же и энергія въ дѣйствіяхъ, соединенныя съ демонстраціями у Габрова и Иени-Загры, напротивъ того, привели къ блестящимъ результатамъ. Вообще турки, какъ всѣ восточные народы, способны къ проявленію большой энергіи и храбрости; но если противникъ дѣйствуетъ смѣло, рѣшительно и быстро, то они скоро падаютъ духомъ и легко поддаются паникѣ. Поэтому, при малѣйшей возможности, слѣдуетъ предпочитать активный образъ дѣйствій — пассивному. Въ нравственномъ отношеніи турки народъ неустойчивый и способны быстро переходить отъ сильнаго возбужденія энергіи къ полному упадку ея. Во время войны съ ними необходимо пользоваться этимъ свойствомъ націи и быстрыми и смѣлыми движеніями и маневрами наносить имъ поражение за пораженіемъ. Цѣлый рядъ хотя и небольшихъ побѣдъ, но быстро слѣдующихъ одна за другою общааетъ привести къ весьма важнымъ и рѣшительнымъ послѣдствіямъ.

(Продолженіе будетъ).

